

12+

ИВЕТТА ОКОРОКОВА

**ПИСЬМА
ПОДПОЛКОВНИКА
ИВАНА
ВЛАСОВИЧА
КВАСНИКОВА**

Иветта Окорокова

**Письма подполковника
Ивана Власовича Квасникова**

«Издательские решения»

Окорокова И. А.

Письма подполковника Ивана Власовича Квасникова /
И. А. Окорокова — «Издательские решения»,

Письма были обнаружены в 2000 году на чердаке дома после пожара. Книга составлена для потомков рода Квасниковых. По данным ревизских сказок за 1816, 1835, 1851 и 1858 гг. Квасниковы — однодворцы, государственные крестьяне, жившие в д. Нижняя Волосатовка, затем — д. Медведевка Аткарского уезда Даниловской волости Саратовской губернии.

Содержание

Предисловие	6
Письма	7
26.02.1906	7
05.04.1906	8
10.1906	9
29.09.1906	10
02.02.1907	11
10.03.1907 г.	12
12.05.1907	14
24.06.1907	15
27.07.1907	16
02.09.1907	17
24.10.1907	19
25.09.1907	21
07.11.1907 г.	22
11.11.1907	24
08.01.1908 г.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Письма подполковника Ивана Власовича Квасникова

Иветта Ариевна Огорокова

© Иветта Ариевна Огорокова, 2026

ISBN 978-5-0069-8558-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Письма были обнаружены в 2000 году на чердаке дома после пожара внуком Николая Ванифатьевича — Анатолием Александровичем Квасниковым. Хранятся в семье, как реликвия. Письма были написаны в старой орфографии.

Книга составлена для потомков рода Квасниковых. По данным ревизских сказок за 1816, 1835, 1851 и 1858 гг. Квасниковы — однодворцы, государственные крестьяне, жившие в д. Нижняя Волосатовка, затем — д. Медведевка Аткарского уезда Даниловской волости Саратовской губернии.

Письма

26.02.1906

Дорогой Николаша!

Открытое твое письмо я получил, спасибо за него. Я его долго ждал. А сестричка твоя Петрова письмо не привозила, и я ее, т.е. сестру-то, не видел нигде, была ли она в Шуре — не знаю. И поэтому я тебе не писал — не знал, где ты: в роте или еще в госпитале.

Наука читать и писать ведь состоит в том, чтобы человек, находящийся где-нибудь далеко от другого человека мог делиться — обмениваться с ним своими мыслями.

Не знаю, сколь хорошо ты читаешь, а пишешь- то порядочно; куда лучше, чем было прежде — первые твои письма. Следовательно, в некотором отношении, ты достиг своего желания, — пишешь хорошо, но было бы лучше, если бы еще лучше. Об этом вот... Плохо стал видеть

05.04.1906

Дорогой Николаша!

Письма твои я получил и то, что по почте, и то, что послано с сестрой Мил. Петровой. Петрову я не видел, она переслала мне письма-то со знакомым офицером.

До свидания, будь здоров.

Мои домашние все здоровы и кланяются.

Остаюсь и я здоров.

Твой дядя И. Квасников. 5-го апреля 1906 г.

10.1906

Дорогой Николаша!

Письмо твое я получил 20-го вечером и сейчас же сел писать ответ. Спасибо за это письмо, оно меня очень порадовало: во-первых, что ты унтер-офицер, чего я до сих пор не знал, — в письмах твоих об этом ни разу не упоминалось, я их читал внимательно, — не упустил бы этого, а они и теперь целы. Как ты знаешь, я их разбирал даже по буквам, чтобы писать тебе грамматические указания на ошибки. Ты увлекся изучением правописания, позабыл сообщить мне эту новость. Ну да это ничего, лучше немного забыть самого себя, нежели забыть свое дело. Во-вторых, радуюсь тому, что ты учишь арифметику — дробь — учись, пользуйся тем, что Бог послал тебе доброго человека, свет-то не без добрых людей, но они не всегда попадают туда, где их желают и куда они желают. Жаль, что не знал, что ты желаешь учиться арифметике, а то бы я давно прислал тебе задачник. Василий дядя Никифора, говорят, очень хорошо живет в Самарканде на железной дороге конторщиком, а тоже учился-то на службе. А вот Федя — Никитин так очень хорошо учится и если мы с ним, Бог даст, будем жить, то он будет инженером (учиться-то я ему помогаю деньгами). А что твой брат женится, так Бог с ним, пусть себе женится на здоровье; только то плоховато, что он берет из Копён — другого села, значит, невесты не только не знает, и не видал ее до сватовства-то — жениться на веру в слова тётки Марфы. Это не обещает хорошего, хотя она может быть прекрасная девушка.

Ещё раз скажу, что я радуюсь, что ты учишься арифметике — так что, если, может быть, ты прослужишь и лишних 8 месяцев, то они не пропадут даром: ты приобретешь некоторое знание математики, а математическое знание есть одно из лучших — важнейших знаний. Конечно, жаль отца, ему хочется посмотреть на тебя — да и работник нужен. Но ведь ты у него не один, да притом же на родине-то, кажется, и работать-то нечего стало; все бегут оттуда с голоду, у нас весь город переполнен Саратовскими голодающими, — положим, все больше Хвалынского уезда; а на службе ты, Бог даст, получишь старшего унтер офицера, а это ведь и в будущем — в случае призыва из запаса, — ты будешь на окладе старшего, да и звание увеличишь, оно тебе пригодится всегда. Вон Федя...

29.09.1906

Дорогой Николаша!

Письмо твое я получил; спасибо за него. Ты просишь совета; я затрудняюсь советовать тебе что-либо положительное, дабы не принять укоры на свою совесть за неудачный совет. Если твоя служба хороша, если тебе на ней лучше, оставайся — откажись от жребия, 9 месяцев, куда не шло.

Относительно сверхсрочной — это дело еще в далеком будущем, в будущем году, вероятно, не раньше сентября. Подумать еще можно. На сверхсрочной могут оставаться, кажется, только старшие унтер-офицеры, а я еще не слыхал, чтобы ты был даже младшим.

На наш батальон надежды плохи; переводы теперь не существуют, а сверхсрочным, по крайней мере, теперь, послужить невозможно, потому что своих желающих остаться оказалось больше, чем допускается по положению — по штабу. Запасным же в Шуре быть трудно — нечем заняться, Шура городок маленький, не зная никакого ремесла, в ней не найдете работы. Теперь здесь наехало много Саратовских голодающих — все больше Хвалынские — только подбираются.

Сверхсрочная служба теперь хороша, кажется; потому что дает хорошее содержание. Если служба-то твоя будет хороша, можешь остаться, а там посмотрим: я буду тогда этим справляться — если окажется вакансия и если изъявят желание тебя принять, заручившись этим, я напишу, а ты тогда выедешь из своего полка и приедешь сюда. Только так можно, но это, все-таки, только гадательно, а не положительно.

Вот и все, большего чего-либо я не нахожу тебе

посоветовать. Пиши мне о себе и о своих планах и предложениях. Желаю тебе всего хорошего. Твой дядя И. Квасников.

29-го сентября 1906 года.

02.02.1907

Дорогой Николаша!

Письмо твоё я получил ещё в половине января и вот всё как-то не мог собраться написать тебе. Спасибо за письмо и поздравления с праздниками и новым годом.

Я к новому году посылал тебе открытку с видами — рисунком нашей Шуринской дороги; получил ли ты её? В письме ты о ней не упоминаешь, а она должна получиться у тебя не позже 1-го января. О службе, друг мой, гадай сам, как хочешь; конечно, Бог даст, и дома не пропадёшь. А об учении сверхсрочных: они должны нести все обязанности в ротах, а в школу ходить только в определённые дни и часы занятий, по крайней мере, так говорят здесь. Ну, что ж, приедешь домой и, если не захочешь жить в деревне, можешь исподволь приискать себе какое-либо местечко в городе или где на железной дороге. Ну, да там, что Бог даст, а пока, всё-таки, что можно учись, — это и там пригодиться-то!

Жаль, что арифметике тебе не удалось поучиться — а то правильное писание и арифметика — это первейшие и нужнейшие науки. Вот только бы Бог сохранил тебя здоровым отслужиться-то, а то ишь какие всё беспорядки и беспокойства. Береги себя, не простудись, как в прошлом году — жильё-то у вас должно быть не особенно хорошее. Не знаю, как у вас там, а у нас порядочные морозцы стоят, однажды было даже 23 градуса; а обыкновенно по утрам 5—10 градусов, а днём пригревает так, что с крыш каплет, а снег лежит с самого крещения. Мы все здоровы и благодарим тебя за поклоны. Новостей у нас никаких нет. Федя пишет, что и на родине у нас все живы и здоровы. Желаем тебе всего хорошего.

Остаюсь здоров, твой дядя И. Квасников:

Пиши мне, особенно о своих делах. 2 февраля 1907 года.

10.03.1907 г.

Дорогой Николаша!

Письмо твое я получил, спасибо за него.

Относительно твоей службы и будущей жизни сам смотри, и сам собой располагай, — будешь хорошим человеком, везде будет хорошо; Бог даст, проживешь; если было бы что посоветовать, я бы посоветовал, но пока ничего не придумаю, ибо ничего не имею в виду, Бог не без милости, только не унывай. Ты спрашиваешь о Мироне; он не женился и, кажется, и не думает жениться.

Ротного твоего командира я очень и очень благодарен за добрую память. Хорошо его помню и знаю; как же не знать и не помнить Тиграна-то? Ведь он не только что в Шуре учился, но и у меня бывал, — не только что бывал, но и живал — как теперь вижу его — коренастого, с шапкой густых черных волос на голове. Передай ему от меня глубокий поклон и большое спасибо за его память обо мне.

У тебя есть моя карточка, — при случае покажи ему, пусть он посмотрит, как я постарел и поседел. Скажи ему, что я живу по-старому в том же своем доме, дети мои все по местам определены: Ксения — учительница в здании женской гимназии — замуж не вышла; Мирон — он после реального училища — кончил курсы в Харьковском технологическом институте и получил звание инженера-технолога, — теперь служит инженером на Сибирской железной дороге, должность его — начальник вагонного пара, был женат на дочери бывшего здешнего казначея, но она умерла, оставив ему троих детей: 2 дочки и 1 мальчик, которые теперь живут здесь у меня и учатся. Затем дочь Вера, которая при нем только что ходить начала, замужем за офицером здешнего батальона резервного, имеют свой дом и пятерых детей: 3 дочки и 2 мальчика, старшая из дочек уж в 3 кл. здешней женской гимназии и учится очень хорошо, затем самая младшая из моих дочерей — Ольга, теперь замужем за казачьим офицером — сотником — адъютантом пластунской бригады, которая квартирует в Шуре, а Ольга с мужем живут в моем доме; детей не имеют. Дом свой я значительно улучшил и расширил; он теперь имеет 8 комнат, 2 кухни и два подъезда.

Шура же остается такой же Шурой, как и была, и реальное училище все почти то же и в том же доме, только лазарет его перенесен в дом бывшего священника Лебединского, а в самом училище устроена церковь. Женская же гимназия в новом здании; для нее выстроили очень хорошее новое здание на бульварной площади — где был сквер. Вот и все новости о Шуре, какие могут его интересовать.

Больше и тебе, Николаша, пока не нахожу, что писать. Я и все мои домашние здоровы, у нас началась весна. Очень тепло — сегодня на дворе 12 градусов тепла.

Желаю тебе всего хорошего, в добром здоровье встретить Пасху и весну, счастливо и благополучно дослужить свой срок службы.

Пиши мне.

Остаюсь твой дядя И. Квасников. 10-го марта 1907 года.

Гор. т. х. Шура.

Милые мои и дорогие мои Николаша, Поля и Стёпа!

Печальное письмо ваше я получил, и оно меня до крайности опечалило. Но что будешь делать, приходится сказать, что видно так угодно Богу: значит не судьба, но надо стараться, чтобы по выходе со службы быть человеком. Книги заberi с собой, они и там сгодятся.

Учись, арифметику не бросай; эта наука хорошая и очень полезная. Надеюсь, будем переписываться по-прежнему, и тогда, когда ты, Николаша, будешь и на родине. Писать ты было стал хорошо и довольно грамотно, по арифметике ты тоже хорошо бы пошел; я бы тебе порас-

толковал непонятные места и задачи — это ничего, что письмами — можно и письмами хорошо объяснить.

Меня одно утешает, что у Поленьки на дорогу в холодное зимнее время есть тёплые вещи — запомни очень хорошо для дороги.

В Петровск я приеду с превеликим моим удовольствием, если не получится чего необыкновенного: заболею или завал будет на дороге у нас — между Петровском и Шурой. Зимой иногда бывают снежные завалы, так что по целым неделям и почта не ходит. Ну да будем надеяться, что ничего не случится, и я со всеми увижусь.

Телеграфируйте мне из Карса — я приеду, довольно и такой только телеграммы:

Шуру Квасникову Жду. Квасников.

Телеграмму лучше бы дать из Сарыкамыша перед самым отъездом — мне лишний день прибыть в Петровск ничего не значит.

Чина моего писать не надо. Меня здесь хорошо знают, а это лишние слова, лишняя плата, а из Карса посылай немедленно, как приедешь в Карс, а-то ну- ка да я не успею — телеграмма может запоздать. А на всякий случай во избежание того, чтобы я не выходил напрасно тебя встречать, когда ты может уже проехал, ты возьми открытку и, если в Петровске будешь и меня не будет почему-либо на вокзале, то ты напиши так:

На адресной стороне:

В гор. Петровск Дагестанской обл. Инженерная улица, дом Щеглова, Ольге Власьевне Кочергиной. А на другой стороне: «Дорогая тетенька, Ольга Власьевна, передайте дяде Ивану В., что я сегодня проехал через Петровск».

Конечно, подпишись Ник. Квасн., и открытку эту опусти в почтовый ящик на вокзале, и она — открытка-то в тот же или на другой день будет ей доставлена, и я, если запоздаю, сейчас же узнаю, что опоздал, а если письма не будет, буду ждать вас.

А заеду к тетке, т.е. к Ольге, и буду выходить к каждому поезду из Баку. Надеюсь, что, Бог даст, я увижу вас, мои дорогие, а в особенности мою дорогую Полю.

Да, в прошлом году я выслал тебе 3-ий курс грамматики Говорова «Синтаксис», такую же книжку тебе купил и переслал Федя; так если эти книжки у тебя обе целы, а, следовательно, одна из них лишняя, то ты одну — которая похуже, возьми-ка с собой на руках да в Петровске передашь мне — у меня ведь много внучат — годится им, а себе оставь, которая получше или которая почему-либо тебе больше нравится.

При свидании Поленька, вероятно, во мне разочаруется. Она мечтает, что я эх-ти какой человек, а увидит сторбленного, седенького старичка. Ну да что делать — это оболочка, а за оболочкой-то есть душа! Я хотя уже плохо вижу, а все-таки, Бог даст, ее увижу, и буду знать, какая она. Увижу также и молодца Стёпу.

Писать больше не нахожу что. Прошу тебя, Николаша, по возможности, не бросай учиться, и Стёпу учи — чему сам научишься. Да, приедешь на родину, ни с кем о политике и начальстве ничего не говори, даже и с близкими родными — слово не воробей, а выпустишь — и не поймашь. Пока вся суeta на Руси не уляжется — береги себя, ибо много из людей стало Иудами, даже хуже — продают и не за серебряники. А то ты скажешь...?

12.05.1907

Дорогой Николаша!

Письмо твое я получил, спасибо за него.

То, что ты остался на сверхсрочную — этому могу только радоваться и желать тебе хорошо-счастливо служить. А за намерение твое взять жену к себе хвалю тебя и одобряю, а когда она к тебе приедет, — буду радоваться. Только хорошо бы было, если бы она приехала к тебе сама — не этапом: теперь, кажется, отпускаются для этого от казны прогонные деньги — вот кабы их тебе отпустили, а ты бы написал ей, и она бы приехала — справься-ка об этом там у своего начальства, а проезд не очень дорог: например, от Саратова до нашего Петровска — в 40 вёрст от Шуры — на пароходах только 7 руб. 75 коп., а от Петровска до Карска по железной дороге такой расчет:

1, от Петровска до Баку 403 версты, 2, от Баку до Тифлиса 327 вёрст; 3-е, от Тифлиса до Карса 279 вёрст

А всего 1009 вёрст, плата полагается за 3-ий класс за билеты прямого сообщения от 991 до 1030 вёрст 8 руб. 40 коп. Только непременно нужно билет брать сквозной прямого сообщения от Петровска до Карса. Значит, весь проезд на пароходе и по железной дороге, т.е. от Петровска обойдется в 16 руб. 15 коп., да от Аткарска до Саратова 1 р. 22 коп. Не знаю, сколько от Карса до Сарыкамыша будет стоить проезд? А если поехать всё по железной дороге от Аткарска вплоть до Карса 2804 версты, и, если взять билеты прямого сообщения, то будет стоить 16 рублей — значит так выгоднее.

А дорога кратчайшая идет так: от Аткарска до Ртищева 93 вер., от Ртищ до Таволжанки 97 вёрст, от Поворино до Царицына 343 версты, от Царицына до Тихорецкой 499 вер., от Тихорец. до Баку 1064 вер., от Баку до Тифлиса 327 вер., и от Тифлиса до Карса 279 вёрст, а всего 2804 версты — дешевле на 1 руб. 37 коп. Что хочешь там направляй, только по Волге хоть спокойнее, но зато морем нехорошо, взять сквозной билет от Саратова до Петровска Кавказского. На пароходах, которые отходят от Саратова по воскресеньям, средам и пятницам в час дня, т.е. в обед садишься на них в Саратове. Можно в эти дни с 5 часа утра и до обеда, т.е. до отхода. Эти пароходы прямых сообщений до Петровска. Вот я тебе относительно поездки или вызова жене все написал. Вас будет только двое с ней родных-то на чужбине. Я думаю, у вас там есть хорошие офицерские семьи, куда она может поступить нянькой, горничной или стряпать на кухню; ну это уже тогда будет Ваше дело; а ты бы сверх жалованья будешь квартирные получать в половинном размере против офицера.

Бог даст, заживёте хорошо. А потом надо учиться, стараться подготовиться к экзамену. У нас здесь недавно держали пять сверхсрочных, все выдержали на подпрапорщиков хорошо. Ротному твоему командиру передай от меня поклон и благодарность за память.

Ко мне скоро к 20 мая приедет на каникулы Федя, брата Никиты сын; он учится хорошо. Пиши мне, будешь переписываться по-прежнему. Желаю тебе всего хорошего.

Твой дядя И. Квасников. 12 мая 1907 года. гор. т. х. Шура

P.S. Конечно, если нельзя, чтобы сама приехала, придется требовать, дабы приехала за казенный счёт.

24.06.1907

Дорогой Николаша!

Благодарю тебя за письмо, оно меня очень обрадовало. Поздравляю тебя с повышением на службе — производстве в фельдфебеля; от всего сердца радуюсь твоему преуспеванию, а ты постарайся оправдать к тебе доверие твоего начальства, не роняй своего достоинства в своём новом звании, — главное будь честен, — теперь тебе казна будет давать средство, чтобы на них жить, хотя не роскошно, но безбедно, — следовательно, жить будет можно, — постарайся теперь изучить то, что тебе понадобится для сдачи экзамена года через 2; да постарайся и писать-то хорошенько — буквы пиши поровнее — поаккуратнее, а то ты вот в письме написал адрес на конверте: «Его Высоко Благородию». Это ведь слово одно, его следует писать слитно — так: «Его Высокоблагородию», запомни это, ибо тебе часто придется писать это слово.

Вот что ты послал денег жене на проезд — это хорошо, пусть она поедет независимо своей воле, и с родины пишут, что она уже собирается поехать 15 июня, теперь, вероятно, уже приехала к тебе и надеюсь, что благополучно. Её ведь, кажется, звать

Пелагея Ильинична? А я, пока буду жить, буду желать вам всего этого и счастья, — да вот и счастье- то без любви невозможно. Дай вам Бог всего хорошего! Дорогую Полю благодарю за присланные мне подарки — полотенце и чулки.

Николаша, напиши мне поскорее о себе всё поподробнее: как ты устроился в новой 2-ой роте, привык ли к новой должности, к новому начальству, хорошо ли тебе служится, как доехала к тебе Поля, где она ехала, здорова ли, как вы устроились на житьё-то, на квартире или как, устрой её хорошенько, чтобы она не скучала по родине, ты ведь ей теперь заменяешь отца и мать, чтобы она тебя считала самым лучшим и самым дорогим человеком на всём свете. Умеет ли она читать? Если нет — постарайся её выучить — это нетрудно, конечно не вдруг, не сразу. А ты, дорогая Поля, береги, охраняй достоинство твоего мужа — его достоинство — твоё достоинство, вы друг от друга нераздельны, так и будьте, как один человек — единомушны.

С людьми, в особенности с женщинами, дорогая Поля, знакомься и дружись осторожно, ласкова и вежлива будь со всеми; на друзей разборчива, доверяться, кроме мужа, не доверяйся никому — остерегайся обмана, слушать болтовню можешь всех, но сама говори осмотрительно — самое лучшее слово «не знаю».

Будьте здоровы и счастливы, мои дорогие, желаю Вам всего хорошего, храни Вас Бог от ненастий и неприятностей.

Остаюсь любящий Вас ваш дядя И. Квасников.

27.07.1907

Дорогие мои Николаша и Поля!

Письмо ваше я получил; благодарю Вас за присланную карточку, — теперь я, по крайней мере, знаю Полю. Какая она у тебя, Николаша, красавица!

Письмо твоё, Николаша, меня очень опечалило: ты очень-то не унывай и не горюй и не обижайся. Так и положи себе — пусть собака лает, а ветер носит. Не тужи, и напиши мне, поскорее ответь, как твои дела. Ты пишешь, что получил мою карточку и открытое письмо; но я посылал тебе между ними ещё и закрытое письмо, через 3 дня после отсылки карточки, а потом уже послал открытку. Получил ли ты моё закрытое письмо?

Напиши мне об этом; да напиши, когда Поля именинница — в марте или сентябре и какого числа?

На карточке вы вышли хорошо, в особенности Поля, ты уже очень сильно и старательно смотришь, когда снимался, поэтому у тебя глаза вышли нехорошо, и ты вышел, как бы глядишь на что-то страшное. А то, что вы врознь смотрите, это ничего, а вот только ты сидишь, а Поля стоит, это в порядочных людях не принято, должны бы были или оба сидеть, или оба стоять, или сидеть должна Поля, а ты стоять, а так, чтобы дама стояла, а кавалер сидел — это не принято, считается неприличным, хотя бы то была и жена или какая бы то ни была женщина. Поэтому и на будущее время помни, что если ты сидишь, да войдёт дама — женщина, ты должен встать и уступить ей свой стул или подать другой — предложить ей. И, когда она сядет, уже садись и ты — это порядок вежливости. Одним словом, поступай относительно женщин так, как учат солдат поступать относительно начальства, когда понадобится отворить дверь, подать, что она уронит, подать пальто, когда одевается, и проч. Это правила вежливости для порядочного человека. Пожалуйста, напиши мне поскорей о себе, а то я очень беспокоюсь, и поподробнее, не стесняйся и не скрывай от меня ничего.

Федя уезжает, и когда это письмо получишь, он поедет, т.е. завтра. Будьте здоровы и счастливы, мои дорогие, не унывайте, не сокрушайте себя, берегите своё здоровье. Кланяюсь вам и остаюсь любящий вас ваш дядя И. Квасников. 27 июля 1907 года.

02.09.1907

Дорогая моя племянница, Пелагея Ильинишна!

Дорогое для меня задушевное письмо твоё я получил. Очень и очень благодарю тебя за него. Невыразимо рад я, что письмо моё принесло тебе хотя бы маленькое утешение и отраду. Хотя я в письмах моих к Николаше и тебе всё уже сказал, что желал сказать вам, но, зная, что без Николаши ты скучаешь, я поспешил написать тебе ещё и это письмо, сказать тебе несколько словечек, дабы хотя немного рассеять твою скуку. В письме твоём, относительно того, что ты не умеешь читать, ты говоришь: «Но кто виноват тому, что я неграмотна».

Дорогая моя Поленька, кто же тебя или кого в этом обвиняет? Я никогда об этом и намёка не делал, я только пожелал, чтобы ты выучилась, и пожалел, что ты не можешь читать мои письма сама и написать мне. Но ты мне чрез это нисколько не меньше дорога, и я тебя так же люблю ничуть не меньше и не хуже, как если бы ты была хорошо грамотною. Но всё же мне жаль, что ты не сама читаешь мои письма и пишешь. Вот получал я твоё письмо, оно очень хорошее и задушевное; но я всё же, читая его, думаю, что, может быть, дорогая моя Поля и ещё что-нибудь написала бы мне — желала бы написать да стесняешься сказать постороннему человеку — тому, кто пишет-то. Так же, я думаю, и Николаша, когда пишет к тебе, написал бы тебе более ласковое письмо, да стесняется, знает, что тебе будет читать его посторонний человек и через это не выскажет тебе в письме-то всех тех ласковых словечек, которые он желал бы сказать тебе; а он стесняется больше, чем я: мне вот ничего и через посторонних говорить с тобой ласково — во-первых, потому, что те, кто будут читать моё тебе письмо, меня не знают, и я их никогда не увижу, а во-вторых, и потому, что я по возрасту и по летам своим тебе уже дедушка, ибо у меня уже внучата почти с тебя — да не от первых детей, и тебя ласкаю и говорю с тобой, как со своей родной деточкой. А Колино совсем другое дело, — ему знакомы те люди, которые будут тебе читать его письмо и после ему придётся с ними встречаться и поэтому он постесняется писать — многое и самое, может быть, для тебя приятное — и не напишет — вот это-то и жаль.

И ещё в письме своём, между прочим, ты говоришь, и говоришь, что откровенно, что ты Колю искренне любишь и любила. Я, дорогая ты моя Поленька, в этом и не сомневаюсь, я и прежде знал, что ты очень любишь Колю, — если бы не любила, не посылала бы ему денег, заработанных своим тяжёлым трудом, — а ты посылала, — я ведь это знаю — и посылала тогда, когда самой они были нужны на обувь, одежду и платья. Поэтому я в письмах-то своих советовал Николаю больше любить тебя, потому, что ты достойна этой любви, заслуживаешь её; обоим вам советовал не стесняться высказывать друг другу свою любовь; в первом ему моём письме к вам обоим; я даже советую вам, как называть друг друга.

Дорогая Поленька, я ведь на своём веку много кое-чего видал, на многое насмотрелся. Не мило видать и таких супругов, которые оба любят друг друга, но почему-то стесняются высказать любовь-то свою друг другу, да так и мучаются целую жизнь: она к нему с лаской, а он, хотя и любит и её и ласку, но непременно считает нужным оборвать её, зарычать на неё, а не приласкать. Другие даже и называть-то друг друга по имени стыдятся, а уже ласкательным именем и подавно, а старшие — родные-то: не помогут им; не скажут, что не называть друг друга и не ласкать нехорошо, что следует называть так-то; да и самим следовало бы для примера называть ласково: например свёкру и свекрови спервоначалу же называть сноху ласково, как свою дочь — «Поля», и другим в семье советовать называть и обращаться так же ласково, тогда и муж стал бы так же называть, не стесняясь. Поэтому, я в первом же письме называл тебя ласкательным именем, не зная, как вы до того друг друга называли, но я знал, что после моего письма вы будете ласково друг друга называть, например, Николаю было бы неловко не называть тебя, как я называю, хотя бы он и не называл раньше тебя «Поля», но уже начнёт

называть так, читая моё письмо. Так вот, дорогая моя Поленька, вся-то суть, всё-то старание в моих письмах в том и заключается, чтобы показать вам, как вы должны друг с другом обращаться; потому что я от всей души люблю вас обоих, в особенности тебя; деточка моя дорогая, потому, что ты перенесла в три-то года разлуки с Колей немало горя и невзгод; кто же тебя утешит, кто посоветует хорошего, отца у тебя уже нет, мать, хотя, вероятно, и любит, но что она может посоветовать — в особенности теперь, издали, письмом, которое и пишет-то другой человек, а о других родных и говорить нечего. Вот я взялся, сколько можно уделить тебе своего радушия, пополнить недостаю твоих родителей. И вот, моя дорогая, что я всегда готов буду поддержать тебя, хотя своим словом, своим советом, и прошу тебя, пока я буду жить, в случае какого либо с тобой горя, несчастия или просто печали — пиши ко мне обо всём как к родному отцу. Я с большой охотой помогу тебе, чем могу, и разделю с тобой и горе твоё и на радость твою порадуюсь. Пиши же всегда и обо всём, о чём вздумается, и не оговаривайся так, как ты оговариваешься в твоём первом письме — извиняешься, что пишешь мне. Письма твои всегда будут доставлять мне большую радость. Я только думаю о том, как бы ты была здорова, не заболела бы; да как бы поменьше скучала, пока не придёт Коля. Не скучай, моя дорогая, что можешь работать — делать — делай, а если нечего делать, то полежи, но не скучай, Бог даст, скоро и Николаша придёт. Он тоже должно быть соскучился. А ты постарайся его встретить так, чтобы он сказал, хоть про себя, что лучше моей Поли на свете нет.

Ну вот, моя дорогая, я и много тебе наболтал, хотя путного почти ничего не сказал, да ведь это я пишу, чтобы тебя развеселить, чтобы тебе не скучно было. Если вздумаешь, пиши мне и так же пиши, не стесняйся, пиши всякую всячину, что в голову взбредёт, я всё приму и прочту с большою радостью. Ведь мне всякую чёрточку приятно получить от моей залётной ласточки.

До свидания, будь здорова, счастлива и весела. Прости и извини болтливый старика. Остаюсь здоров. Любящий тебя твой дядя И. Квасников.

2-е сентября 1907 года.

24.10.1907

Дорогие мои Николаша, Поля и Степаша! Письма ваши, открытку и карточку я получил; спасибо за письмо, в особенности за карточку. Какой молодчина Степа-то; просто любо посмотреть; радуюсь за него: пусть и он вас радует. Не худо было бы Вам с Полей обзавестись собственным наследником-то; ведь вы оба вон какие молодцы, любо посмотреть.

Поля на этой карточке тоже лучше вышла, чем на прежней. А что Стёпа- то, не скучает по домашним? Спасибо ему за приписку на открытке; радуюсь, что он читает мою книгу; когда всю прочтает, заучит, я другую пришлю ему, пусть читает, в ней есть и сказочки, и буквы писанные — надо учиться такие же хорошие буквы и самому писать.

Только, Николаша, не принуждайте его много читать и писать, а пусть он по охоте читает, а то он ещё мал, пожалуй, надоест ему, если его сильно принуждать, и тогда учиться отобьёте охоту. Какой ты, Николаша, не то упрямый, не то ленив: я прошу мерку, указываю, как снять её, а он одно толкует калоши №6-й, мне кажется, велики по ней, — у нас Ксения и Вера носят №3-й. Но, во всяком случае, не отнекивайся, а пришли поскорее мерку. Пусть Поля станет на лист бумаги, а ты очерти кругом ноги её карандашом; только карандаш держи прямо вертикально, не наклоняй ни к ножке, ни от ноги, иначе чертёж уменьшишь или увеличишь — в особенности возле пятки — ведь нужно не только то, что подошва ноги захватила, а нужно, чтобы вошли выпуклости пальцев и пятки, — потом, чтобы не пересылать лишней бумаги, обрежь около линии карандаша, карандаш не захватывай. Да пришли поскорее, а то я торопился писать до сентября, чтобы прислать что-нибудь тёпленькое к холодам, а вот уже прошёл целый месяц, — сегодня 23 сентября, — а я всё пишу о том же, это нехорошо долго. Жду.

Теперь поговорю кое-что о тебе. Неприятности твои по службе очень беспокоят и печалят, но ты мой дорогой, этим, т.е. неприятностям- то, особенно не огорчайся: Бог не попустит, свинья не съест, и притом русская земля не клином сошлась. Если на военной службе будет худо, — как-нибудь дотяни год, да и плюнь на неё; где-нибудь найдешь и ещё себе место — должность; только постарайся побольше запасть званием. А ротный, если будет придираться, чёрт с ним, не обращай на это внимания, только воздерживайся, не груби, а то ничего не будет. Вот старайся хорошенько писать: последнее письмо из дому и два, как приехать, написанные тобой очень хорошо: буква-то; а вот открытку опять нацарапал плоховато.

Арифметика очень важный предмет; если не останешься на службе, она очень и очень пригодится и большую может принести тебе пользу в будущем.

Я очень жалею, что ты мало занялся ею с Федей в бытность на родине. Ну, да если бы было столько времени, как в прошлом году, я бы тебя и отсюда кое-чему научил. А учиться арифметике очень интересно, и, когда побольше поймешь, даже завлекательно, так и подбивает ещё бы и ещё, что похитрее, решить.

Книги ты тоже почитывай: хорошо рассказывай прочитанное, дабы привыкнуть к связному и гладкому рассказу прочитанного. Ты можешь кое- что прочитанное рассказывать Поле хоть во время отдыха, когда не спишь.

А о неприятностях особенно не горюй, конечно, было бы лучше, если бы их не было. Заботься лучше о себе, чтобы у вас между собой с Полей было всё хорошо.

А Стёпа-то на карточке снялся вполне кавалером молодцом — стоит при своей даме, и не сидит, как ты, когда дама стоит — молодец он. Поле я мало места уделяю в письме, я ведь ей так и писал, что когда приедет Коля, я мало буду писать ей — потому что у нас будут деловые разговоры. Да ведь ей теперь уже и не так скучно.

Мы все здоровы, все благодарим вас за память и поклоны и вам кланяются и желают всего хорошего; в особенности желаю, чтобы вы были здоровы и жили в согласии, любви и ...

были бы друг для друга утешителями. Это очень важно в жизни. Остаюсь любящий вас ваш дядя И. Квасников.

24 октября 1907 г.

Поскорее пиши мне, и шли мерку — жду.

25.09.1907

Дорогой Николаша!

Мерки от тебя я не стал ждать, потому что настали холода даже у нас; у нас сегодня ночью выпал снег, а мне хотелось к холодному-то времени прислать Поле тепленьких вещиц. Поэтому я сегодня же купил для неё башмачки и посылаю. Если будут не по ноге её, то не моя вина, а грех будет на твоей душе, и ты его замаливай перед Полей. Ну вот, я её одеваю в тёпленькое, а об остальном позаботься ты, чтобы она была сыта и довольна всем, — в особенности тобой.

Я посылаю Стёпе две игрушки.

Потом, Николаша, ты пишешь письма на кое-каких лоскутках — видно, что у тебя недостаточно бумаги — поэтому посылаю тебе стопку почтовой бумаги — пиши мне, не ленись, листа по два обо всём. Ты мне ещё не написал, читал ли ты на родине книжку, которую я подарил через Федю, твоему отцу и понравилась ли тебе что-либо из неё? Вообще пиши мне больше, не стесняйся спрашивать обо всём, что встретишь затруднительного, в особенности по арифметике или грамматике; я с удовольствием буду тебе отвечать, ибо это для твоей пользы. В арифметике, конечно, встретишь много затруднительного, потому что она составлена для учителя, а не для ученика, учитель должен многое пояснять своими словами, ну, а тебе, конечно, разъяснять-то некому — приходится своей головой додумываться; но зато как отрадно, когда поймешь — уразумеешь. А в ней очень много интересного — сначала всё как-то идёт, не знаешь будто к чему и для чего, а когда дальше пройдешь и будет видно, для чего это было, что раньше-то написано. Желаю тебе всего хорошего, а также и Стёпе.

Мои домашние всем вам кланяются. Конечно, о посылке они не знают, поэтому в открытках об этом не пиши. Николаша, посылаю тебе свой старый географический атлас; он хотя и стар, по нём ещё я учился, но всё же тебе может пригодиться; а тут он в посылке пойдёт вместо картона.

Остаюсь твой дядя И. Квасников. 25 сентября 1907

гор. т. х. Шура.

07.11.1907 г.

Дорогой Николаша!

Сейчас получил твоё письмо; очень обрадован, что ты говоришь, что с тобой, пока всё благополучно. Ещё радуюсь тому, что тебе есть кому показать и растолковать недоумения по арифметике,

— пользуйся этим: конечно, вольноопределяющийся, готовящийся в юнкерское училище — проходит и обладает более обширными сведениями, чем тебе требуется; поэтому он, при добром желании с его стороны, хорошо может тебе помочь.

От всей души радуюсь, что Поля понравилась моя книжка. Если и считает эту книжку — пришлю другую, а если выучится хорошо читать и сама мне напишет хоть несколько слов — пришлю ей подарок — гостинец — конечно, если буду жив и благополучен. Желаю ей успеха, желаю всего хорошего и всякого благополучия. Стёпочке спасибо за письмо; желаю, чтобы он был здоров и рос молодцом. Радуюсь тому, что он не скучает — это хорошо, ну её — деревню-то; ишь там как дерутся, а здесь его никто не трогает и не накоучает.

Есть ли у вас в Сарыкамыше какая-нибудь школа для детей? Ты писать стал порядочно — только не торопись — привыкнешь к такому почерку — выпишешься, и будет хорошо. А читай-почитывай, когда найдешь время, да хорошо бы вслух для выработки выговора. С родины, о тамошних безобразиях, тоже получил письмо — жаль, да помочь нельзя. Я написал кое-что, но я хорошо знаю, что теперь письмо перехватят, распечатают и прочтут, — поэтому я написал такую чепуху, что оно им не даст никакого утешения; а иначе нельзя — советую и тебе ничего не писать такого, что было бы во вред начальству, а то это только навредит им, да пожалуй ещё и твоему начальству напишут. Тяжелое, брат, время, везде и всем тяжело; — вот здешних жителей — кавказцев — так обижают, а русским в России беда, а не житьё, да и народ очень уж глуповат — дурьё — на что его науськали, он затвердит и орёт себе без пути и толку. И жалко, и горько, и обидно. А помочь ничем нельзя. Ну, Бог с ними, что Бог даст, то и будет — значит, Семёну и Гавриле влетело — этому-то пусть — это ему лекарство. А вот отца-то за что, он же такой старик! Я слышал, что это всё по доносу Наумова — погано. Да, дорогой, если будет возможность, живи здесь — пока эта буря на родине пройдёт — а она ещё года два протянется.

Дорогой Николаша, извини, что в прошлом письме резко написал тебе упрёк в невысалке мерки; я был не в духе, когда получил твою открытку, и тогда написал тебе, а теперь получил мерку, но уже поздно; башмачки уже отосланы и, вероятно, уже лежат у вас в Сарыкамыше.

Ну, поздно, ложусь спать, завтра тоже ещё что сговорю 8-го ноября. Плохо, дорогой мой, я пишу — глаза плохо видят; так что я пишу не так, как вижу, а большей частью рукой — пером вожу по привычке — на память — поэтому, когда оторву перо от строки, то, чтобы начать новую, близко- близко нагибаюсь к бумаге, чтобы видно было, где начинать.

Ну, дорогие мои Николаша, Поля и Стёпа, желаю вам всего хорошего, желаю, чтобы заботы и неприятности не касались сердец ваших. Храни вас Бог от всех неприятностей. Буду ждать от вас письма, вероятно, скоро получите мои гостинцы. Пишите мне почаще о себе; я всегда рад получению вашего письма.

Будьте здоровы и счастливы. Остаюсь здоров.

Любящий вас дядя И. Квасников.

P.S. Наш здешний резервный батальон был пятиротного состава; теперь 5 роту упраздняют — остаётся 4. Осталось трое сверхсрочных за штатом, куда-то их денут. Одному, говорят, есть вакансия в какой-то роте, другому, кажется, откроется — ибо одного увольняют — уходил без спросу с дежурства, а тут случилась кража в роте-то. А одного, вероятно, переведут в другую часть. Других новостей у нас нет. Мои все здоровы, вам кланяются.

И. Квасников.

11.11.1907

Дорогой Николаша!

Из письма твоего я вижу, что ты испытываешь затруднения при решении арифметических задач, и задачи-то, на которые ты указал, довольно простые. Польза в учении, а не в том, что много пройдешь, — да арифметику-то прочти.

Некогда тебе, знаю, что некогда, ну что же делать, дорогой мой, желательно, чтобы ты знание-то имел.

Относительно поступления в наш — здешний батальон нет никакой надежды. Своих много желающих, а вакансий нет; да и начальство, я уже тебе говорил, из чужих частей не хочет принимать, говорит, что свои лучше, — он ознакомлен с традициями батальона, т.е. с правами и порядками в нём, а тут ещё, как я писал тебе три дня тому назад, штат батальона уменьшен. 5-ю роту упразднили.

Натаров, как младший, остался без роты, — да ещё с войны приехал один лишний капитан — старше его, — вот и жди теперь когда получишь роту — ходи без столовых, пожалуй, года 2—3 — просто горе, а детишки растут — требуют.

Желаю тебе всего хорошего. Учись, сколько можно, не унывай. Пиши мне, спрашивай.

Я очень рад, что Поле понравились мои гостинцы и что пришлись в меру. Теперь я знаю, что во время холода моя дорогая Поленька не озябнет и не простудится. А что она нарядится — это не беда — ведь она не простая солдатка, а жена фельдфебеля, а ещё племянница подполковника.

Рад, что не раскололось стёклышко у Стёпеной игрушки, я за неё боялся. Что, загнал ли он хоть раз всех коз? Они тоже быстрые настоящие козы — только одну загонишь — погодишься за другой, — а первая выскочит, и так прытко, как бешеная побежит, — настоящие козы. Рад, что ему игрушка понравилась. Что в записке-то от него — это кто ж писал, уж не он ли сам? Что он читает в книжке?

Будьте здоровы и счастливы, мои дорогие, пишите мне побольше, теперь бумага есть, а почта все равно доведёт и 2 листа за 7 коп.

Ты, Николаша, теперь стал писать хорошо.

Остаюсь здоров, любящий вас дядя И. Квасников.

11-е ноября 1907 г.

А эту посылку вы скоро получили, не так, как первую. Поля счастлива, у вас, видно, уже холодно?

08.01.1908 г.

Дорогой Николаша!

Телеграмму и письмо твоё я получил.

Телеграмма меня настолько обрадовала, что я и выразить не могу. Я её получил 31 декабря в 11 1/2 часов ночи — мы сидели за столом, приготовившись встречать Новый год, с налитыми бокалами вина, когда её принесли, и я, прочитавши её, с удовольствием выпил стакан (когда начали бить 12 часов) за твоё и всех вас здоровье, и пожелал тебе лучшего счастья в наступающем году. Теперь, дорогой Николаша, чтобы оправдать себя в глазах всего начальства, будь прилежен по службе и осторожен относительно капитана Мамиконяна, дабы он так не наделал тебе пакостей — он хотя и в другом батальоне, но всё же офицер вашего полка. Пока всё уляжется — забудется, ты уже и домой-то не так учащай ходить. Чтением и арифметикой продолжай заниматься, да и денежки приберегай — а то вот видишь, целый месяц без жалованья — не шутка. Запасец на всякий случай необходимо иметь. Только одно-то плохо сделал: не написал мне своего нового адреса — не знаю, ты в Ардагане, или у вас новобранцы в Сарыкамыше обучаются; напиши об этом поскорее.

А теперь тороплюсь, и рад, и волнуюсь, и даже не верю всё, что ты вырвался из 2 роты и остался опять на службу. О задачах я напишу после, когда решу, а теперь и решить не могу, так волнуюсь. Ты говоришь, что мне покажутся задачи пустячными, — нет, дорогой, таких задач не каждый офицер может решить — конечно, чтобы ты побольше знал. Какие задачи не решишь, обходи, но всё же прежде потрудишься — порешай и о нерешённых пиши мне — не стесняйся. Не решишь — замечай, а когда много таких наберётся — напиши мне.

Поле и Стёпе моё поздравление с Новым годом, желаю им всего хорошего. А у нас в Шуре солдат к жёнам на ночь, как срочных и сверхсрочных, командир пускать запретил — только днём в праздник или когда увернётся, а на ночь только в особоположительных случаях — болезни кого из домашних, т.е. жены или детей, и то с разрешения командира батальона.

Напиши мне, если ты в Сарыкамыше, кто ротный командир и кто из офицеров заведует новобранцами и долго ли они пробудут в Сарыкамыше? Федя, по моему поручению купил было в начале ноября для тебя две книжечки, и хочет тебе выслать их, но я, как получил твоё письмо, что ты увольняешься, написал ему, чтобы он не высылал их — теперь напишу — вышлет. Одни из них словарь — объясняющий иностранные — непонятные слова, встречающиеся в книгах — это тебе нужно, а другая — сочинения Гоголя — это просто для чтения. Напиши — всю ли книжку прочитал Стёпа, которую я ему выслал в октябре, если всю, я вышлю, может быть, другую такую же, но посложнее.

Ну, храни вас Бог от бед и напастей, будьте здоровы и счастливы. Пиши мне поскорее адрес свой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.